

УДК 81'42

КОГНИТИВНО-СЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ МЕТАФОРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ ПИСАТЕЛЕЙ ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

И. А. Ярощук

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
inna_lad@mail.ru*

В статье говорится о когнитивно-семиологическом своеобразии метафоры в текстах произведений писателей Черноземья. Когнитивно-семиологическое своеобразие метафоры определяется полифункциональной сущностью языкового сознания. Когнитивно-семиологическая суть метафоры заключается в том, что она изначально имеет когнитивную, а не языковую природу. Метафора позволяет читателю воспринимать и понимать абстрактные когнитивные образования.

Ключевые слова: когнитивная метафора, языковое сознание, этноязыковое сознание, ассоциативно-образное пространство, этнокультурная коннотация, прагматика, лингвокреативное мышление.

Когнитивно-семиологическое осмысление сущности метафоры в художественной прозе писателей Черноземья предполагает исследование внутренних механизмов знаковой репрезентации познаваемых и номинируемых объектов действительности в языковом сознании писателя. В рамках когнитивно-семиологического подхода метафора рассматривается не как элемент, украшающий речь, а в качестве когнитивного феномена, как средство создания нового смыслового содержания лексемы. Когнитивная метафора как средство мировосприятия и миропонимания находит свои истоки в глубинах человеческого познания и определяется взаимодействием сложных концептуальных структур, ориентируемых на ассоциативно-образное усвоение, переработку и преобразование информации относительно окружающей действительности. Языковое сознание – важнейший лингвокреативный механизм речепоражающей деятельности, в процессе которой осуществляется преобразование имеющихся в языковой системе номинативных единиц. В результате означаемые становятся носителями новых означаемых, нового ассоциативно-образного содержания. Благодаря такого рода когнитивно-семиологическим трансформациям метафора в исследуемых текстах может рассматриваться в качестве когнитивного феномена [1, с. 171].

При таком подходе в исследуемой художественной прозе основное внимание уделяется взаимодействию двух типов семиозиса образного слова: первичного (семиологического) и вторичного (семантического). Первичная объективация является исходной точкой семиозиса метафоры, а вторичная – конечным этапом метафорообразования, когда на основе первичного семиозиса формируются значимые для русской этнокультуры метафорические образования. Ср: *Успех обеспечен тем, что они владеют искусством воспитывать у людей чувство ответственности за судьбу земли* [2, с. 7]. Исходной точкой семиозиса метафоры *судьба земли* служит национально-культурное представление о земле как живой, самодействующей субстанции, как основы жизни всего сущего. Она родит, пьёт дождевую воду, засыпает и пробуждается: *Земля Черноземная, что с тобой случилось? Помню тебя всякой: и залитой ливням, и скованной лютым морозом, и задыхающейся от зноя в страшную засуху, когда в трещину ладонь входила. Но всегда – гордой, непреклонной. Много тебе вытерпеть пришлось* [2, с. 28]. На следующем этапе семиозиса метафоры актуализируется этнокультурный компонент языкового сознания. Земля издавна считалась источником жизни, матерью всего живого, в том числе и человека. В православии образ матери-земли сблизился с образом Богородицы, поэтому с землей обращались с особым почтением и осторожностью. Принимая пищу в поле, крестьяне вытирали о зем-

лю руки, приписывая ей такие же очистительные свойства, как и воде [3, с. 193]. Об этом красноречиво говорят русские поговорки: *Земелька черная, а хлебец белый родит; Земля всех питает, а сама всех поглощает; Земля кормит людей, как мать детей; Кто мать-сыру землю любит, тот голоден не будет; Мать-сыра земля всех кормит, всех поит, всех одевает, всех своим телом пригревает; В землю не положишь – и с земли не возьмешь* и т. д. Прежде всего, в таких паремиях в глаза бросается почтительное отношение к земле-кормилице, вера в её «благо-родие».

Таким образом, метафорическое мышление находит точки соприкосновения для, казалось бы, логически несовместимых объектов. Исторически и социально закрепившаяся связь между подобного рода означающим и означаемым (*земля – живое существо со своей судьбой, мать*) указывает на то, что русское этноязыковое сознание обнаружило сходство логически несовместимых объектов познания: *С поля начинается хлеб. Жизнь начинается с поля. Посмотришь на него – будто сама земля с хлеборобами переживает обновление. Свежим дыханием от нее веет, новыми надеждам* [2, с. 29]. В нашем понимании, смысловое содержание художественных концептов «земля переживает обновление», «от земли свежим дыханием веет» первоначально формируется не в словесном контексте, а в ассоциативно-образном восприятии действительности. В его основе лежит когнитивный и жизненный опыт человека: земля – это живой организм, обладающий такими же свойствами и способностями, как человек: земля дышит, чувствует, переживает, вселяет надежду на лучшее. В данном ассоциативно-образном пространстве и возникают словесные метафорические образования (*земля переживает обновление, от земли свежим дыханием веет*), обладающие русской той национально-культурной спецификой, котолая и определяет архитектуру стиля писателя.

В художественной прозе писателей Черноземья своеобразие когнитивной метафоры определяется многофункциональной сущностью языкового сознания [4, с. 43]. Например: *Я вам сейчас предложу два варианта устройства крыши над хозблоком, которые значительно снизят затраты, и хозблок не будет для дома теперь хвостом гремучей змеи, а его продолжением* [5, с. 28]. В данном примере *отражательная функция* метафоры *хвост гремучей змеи* определяет тип и характер связей между объектами изображенной автором действительности. Мотивирующим признаком, определяющим связь между основным (пристройка – хозблок) и вспомогательным (*хвост гремучей змеи*) субъектом метафоры, является *форма* сооружения: дачная постройка, включающая дом и хозблок, неоднородна и неоднотипна. Она напоминает тело гремучей змеи, имеющее хвост, контрастно выделяющийся на его фоне.

Функционально-стилистические свойства исследуемой метафоры обуславливаются её *оценочной функцией*. С. И. Серых в рассказе «Аренда» изображает сферу неофициальных отношений с непринуждённым общением двух персонажей. Выделенная метафора является ситуативно-образным выражением, так как речь героини предварительно ею не подготовлена, спонтанна; поэтому данную метафору можно считать индивидуально-авторской. *Селективная функция* метафоры определяется поиском наиболее подходящего означающего для нового означаемого. Наиболее подходящей языковой формой явилось словосочетание *хвост гремучей змеи*, так как на теле змеи рельефно выделяется именно её хвост. В исследуемом художественном контексте данное означающее наполняется новым ассоциативно-образным содержанием, благодаря которому выражение становится образным. *Интерпретирующая функция* раскрывает ракурс видения этноязыковым сознанием денотативной ситуации, показывает, как языковому сознанию представляется связь между старой языковой формой (*хвост гремучей змеи*) и новым содержанием (*хозблок*). Известно, что после первой линьки у молодых *гремучих змей* кончик хвоста утолщается. Когда происходит следующая линька, кусочек кожи на хвосте из-за утолщения не может слезть и остаётся. После второй линьки появляется еще один, потом ещё и ещё. В течение жизни часть этих колец-колокольчиков змея теряет, но многие, частично надетые друг на

друга, остаются и более или менее свободно болтаются. Выведенная из нормального состояния змея поднимает кончик хвоста и начинает быстро вибрировать им, из роговых чехликов издают характерный сухой треск, слышимый на расстоянии до тридцати метров. В силу этого, хвост на фоне всего тела змеи привлекает особое внимание. Героиня рассказа сравнивает с ним хозблок на территории дачного участка, который из-за шиферного покрытия отличается от дома. Мария, героиня произведения, говорит: «Крыша дома устроена довольно оригинально. Башенки, окошки и разноуровневые черепичные плоскости, и вдруг продолжением всего этого строения оказывается обычный сарай под шиферной крышей» [5, с. 29]. Таким образом, связь между объектами художественной картины мира произведения имеет оригинальный, индивидуально-авторский характер.

В исследуемых текстах произведений писателей Черноземья в видоизменяется не первоначальная семантика метафоризируемых языковых знаков, а само отношение автора и читателя к объектам действительности, обозначаемыми данными лексемами [6, с. 279]. *Мне кажется, вся наша жизнь – это переход. Кто идёт, кто бежит, а кто остановился, и все стараются наверх, глупые...* [7, с. 79]. *Переход (подземный)* – «тоннель для безопасного перехода пешеходов под проезжей частью или железнодорожными путями. Подземный пешеходный переход обычно состоит из собственно тоннеля под проезжей частью и ведущих к нему ступеней». Так, в рассказе В. В. Сухарева «Битлы нашего двора» говорится о друзьях, которые в детстве были не разлей вода. Их любимым занятием являлась игра на гитаре. Прошли годы, и один из приятелей стал бизнесменом, богатым человеком, который занимался прибыльным, но не любимым для себя делом. А другой – хоть и не был богат, но занимался своим любимым делом: писал песни и играл на гитаре. По прошествии многих лет богатый друг даже и не узнал своего приятеля детства, когда встретил его в подземном переходе, играющего на гитаре; а, может, просто и не хотел узнавать? Действительно, жизнь подобна переходу: кто-то идет по жизни размеренными шагами, кто-то бежит, стараясь все успеть, а кто-то остановился и не имеет никакого развития. Однако каждый стремится достичь чего-то большего, добраться до высшей ступени социальной и профессиональной лестницы, чтобы получить все доступные блага. Именно к стремлению обогатиться любыми способами автор произведения относится с достаточной долей иронии, называя подобных карьеристов глупыми людьми, забывающими о моральных качествах и об истинном предназначении человека.

Согласно основному когнитивно-семиологическому принципу, метафора в художественной прозе писателей Черноземья отражает способность автора создавать новые образы, его умение «мыслить так, чтобы создавать более живое напряжение» [8, с. 108]. Например: *Горячий ветер штопором крутит цементную пыль, песок и щепки. Листву вишен бьет дрож* [9, с. 76]. Метафора *ветер штопором крутит цементную пыль* отражает изменение отношения автора к природному явлению, меняется его фокус мировосприятия, вследствие чего возникает очень яркий образ (*крутит штопором*), в точности передающий картину увиденного.

Возникновение метафоры в исследуемых текстах писателей Черноземья определяется изменением отношения автора к предмету номинации. Например: *Ветер мог безобразничать – еще вечером под его порывами старая вишня в саду размахивала ветками, стараясь отбиться от тысячи снежных мух* [10, с. 39]. Стимулом к появлению данного образа (*снежинки – мухи*) является возникновение в мировосприятии писателя нового эмоционально-оценочного отношения к основному субъекту метафоры (*снег*), который видится автору в свете вспомогательного субъекта (*мухи*). Данная метафора репрезентирует живую связь между старой формой и новым содержанием. Снежинки словно назойливые мухи, от которых отбивается, размахивая ветками, старая вишня в саду. Таким образом, предметно-чувственный опыт писателя Черноземья предоставляет широкие возможности для образного, метафорического переосмысления окружающей действительности.

Когнитивное своеобразие метафоры в исследуемой художественной прозе определяется созданными автором произведения этнокультурными образами [11, с. 402]. Данная связь не является строгой и жестко детерминированной. Лингвокреативному мышлению творческого индивида предоставляются широкие возможности создания оригинальных метафорических моделей. Например: *Часам к восьми успеваю вскопать много: огород чернеет и в агатовых грядках, пропадающих в тумане, белеют жемчужины картофель* [12, с. 97]. Автор использует для характеристики огородных грядок определение *агатовые* не случайно. Черный агат – это роскошный камень с четко очерченными прожилками, который восхищает своей насыщенностью и блеском. Так и грядки насыщенного чернозема отличаются своей четкой формой, и на их фоне клубни картофеля кажутся белоснежными, жемчужными. Своеобразие преобразования форм чувственного отражения в смысловые элементы метафорического значения заключается в трансформировании факультативных и пресуппозиционных признаков исходного значения словоформы. Причём сопутствующие признаки денотата в этнокультурном сознании автора приобретают статус интенциональных сем в семантической структуре метафорического слова. Например: *Белгородский чернозем – сдобный рождественский пирог* [12, с. 103]. *Чернозем* – ‘тип темной плодородной почвы. Ценится благодаря своим агротехническим качествам – хорошей структуре и высокому содержанию питательных веществ’. Интенционалом (смысловым ядром) данного лексического значения является сема ‘земля’. Этнокультурные знания формируют его импликациональные семы разной отдалённости от денотативного значения метафоризируемого слова: (а) ‘рыхлость’, ‘жирность’, но в то же время (б) ‘воздушность’, ‘рассыпчатость’, ‘сдобность пирога’. Образование данного метафорического сочетания слов связано с возникновением в этнокультурном сознании устойчивой сети ассоциативно-образных и экспрессивно-оценочных отношений, связанных не только с познаваемым объектом (*чернозем – сдобный рождественский пирог*), но и со всем социально-психическим контекстом его существования [13, с. 127]. Представленные коннотативные и этнокультурные признаки номината белгородской земли (рыхлость, жирность, сдобность) как бы обволакивают предметно-чувственный образ (*белгородский чернозем*), преобразуя его в поэтический концепт, предполагающий метафорическую репрезентацию. Таким образом, лингвокреативное мышление писателя определяется энергетикой этнокультурных представлений, хотя находится в поисках новых образов; поэтому в результате индивидуально-авторского словотворчества возникает столь яркое метафорическое образование [1, с. 74].

Осмысление этнокультурного объекта номинации в исследуемых текстах произведений писателей Черноземья в основном иллюзорно. *Что с тобой, моя белогорская земля, весной белая от цветущих вишневых садов и меловых круч, а зимой – от березовых роц в инее и от снежных сугробов? Говорят, ты скоро обратишься в смуглую красавицу в железных доспехах. Огни озарят твоё лицо* [9, с. 92]. Метафорическое сочетание *смуглая красавица в железных доспехах* является символом неисчерпаемости недр Белгородской земли (речь идёт о железной руде). Этноязыковое кодирование культурного значения представленной метафорического словосочетания начинается с интерпретации коммуникативно-прагматической ситуации, в которой *белогорская земля* является объектом духовно-практического осмысления. В данном примере осмысление этнокультурно значимого события (обнаружение и первые добычи железной руды, строительство Яковлевского рудника) включается в систему духовно-практической деятельности человека и составляет значимое звено в историческом развитии культуры Центрально-Черноземного края. В представленной метафоре когнитивно и прагматически обусловленное функционирование этнокультурной коннотации выводит её на уровень концептуального представления региональной языковой картины мира. В то же время механизмы функционирования этнокультурной коннотации обуславливаются множеством индивидуальных актов, где

главную роль играет форма индивидуально-авторского обозначения. Анализируемое метафорическое образование используется в качестве символа, поэтому данная метафора имеет двойную референцию. С другой стороны, смуглая *красавица в железных доспехах* соотносится с Белгородской землей, обладающей богатыми залежами железной руды. Отсюда возникает сравнение со *смуглой красавицей в железных доспехах*. Данная метафора в качестве символа отсылает к более абстрактным понятиям – таким, как «богатство», «обилие» и «красота». Многозначность символа опирается на двойную референцию: сначала символ апеллирует к ближайшему содержанию (Белгородская земля), которое отсылает к глубинному смыслу (обилие, богатство, красота).

В исследуемых текстах метафорическая семантика словесных знаков определяется как своеобразная интерпретация автором соответствующей денотативной ситуации, в которой отражаются не только его прагматическое отношение (эмоции, оценки явлений действительности), но и коннотация (этнокультурный фон повествования). Исследуемое метафорическое значение связано с конкретным прагматическим фактором – фактором говорящего. *А там, за окном, на востоке, ночное небо лизали дымно-багровые сполохи. Глухо стонала Белгородская земля. Стонала и ждала* [14, с. 88]. Буквальное значение представленного предложения задаёт набор условий истинности только относительно набора фоновых знаний, которые не входят в семантическое содержание метафоры. Однако метафорическое значение базируется на преодолении смысловой несовместимости буквального значения высказывания и переносным значением, поскольку последнее относится к сфере употребления языкового выражения, обусловленного этнокультурной и исторической ситуацией.

Этнокультурная коннотация метафорических образований в текстах произведений писателей Черноземья обуславливается компаративностью, то есть отношением уподобления. *Пронизывающий ветер войны забросил вас в неведомый Белогорск, где, по уверению вашего инвалида-соседа, служившего там в солдатах, меловые кручи – сахар. Но эти сахарные кручи побагровели от горячей крови* [9, с. 138]. Употребление метафоры *сахар* указывает не только на авторское восприятие цвета меловых круч (белый), но и особого свойства белгородского мела. В данном примере этнокультурная коннотация предаёт признаки слова-параметра *сахар*, которые стали смысловыми компонентами лексического значения слова-аргумента (*меловые кручи*). Таким образом, этнокультурная коннотация становится связующим звеном между двумя языковыми единицами (*мел – сахар*).

В исследуемой художественной прозе реализация свойств этнокультурной информации посредством метафорических образований обуславливается индивидуально-авторским истолкованием смысла как субстанционального феномена, который определяется окружающей действительностью [1, с. 144]. Ср.: *Неуловимые тени скользят по чубатым полям, походным буровым вышкам, горячему Белогорскому шоссе, что стало ветвистым молодым деревом. А давно ли эти места звались степью? Давно ли?* [9, с. 139]. Содержание метафорического сочетания *стало ветвистым молодым деревом* предстаёт как открытая когнитивная структура, которая расширяется этнокультурной информацией, извлекаемой из дискурсивного пространства текста (термин И.И. Чумак-Жуль). В данном примере речь идет о пейзаже Белгородского края (чубатые поля, буровые вышки, Белогорское шоссе). Содержание данного метафорического образования в исследуемой коммуникативно-прагматической ситуации видоизменяется: происходит наращивание этнокультурной информации. Однако наличие этнокультурной коннотации данной метафоры ограничено культурно-историческими рамками. Героя повести В. Федорова «Марс над Козачьим Бором» удивило быстрое строительство белгородского шоссе, на месте которого недавно была степь. Поэтому автор использует метафору *ветвистое молодое дерево*.

В текстах произведений писателей Черноземья прагматический компонент метафорического значения актуализируется в тех словоформах, в которых на базе когнитивного содержания формируется дополнительный этнокультурный смысл. Так, в по-

вести В. Федорова «Марс над Козачьим Бором», в котором описывается Центрально-Черноземный край как часть украинской Слобожанщины, в частности Белгородчина, чернозём сравнивается с салом. В неведомом Белогорске меловые горы – сахарные, а жирный чернозем – сало [9, с. 140]. Писатель не случайно выбирает именно это сравнение. По своей консистенции чернозем (лоснящаяся земля) напоминает сало. Отсюда возникает эпитет **жирный чернозем**, символизирующий плодородность и обогащенность питательными веществами Белгородской земли. Так, сало – ‘вытопленный из жира животных продукт, идущий в пищу и на технические надобности’. Данное узусальное значение порождает дополнительный смысл этнокультурного характера. В. Федоров сравнивает жирный чернозем Белгородского края с салом. В этом случае дополнительный этнокультурный смысл возникает из когнитивно-прагматического отношения говорящего к денотату. В анализируемом примере прагматический компонент метафорического слова опосредован социокультурным опытом говорящего (автора) к денотату (сало) и тем, что в метафорическом образовании заключается этнокультурная коннотация и эмоциональное переживание писателя Черноземья.

Прагматика художественной прозы писателей Черноземья предопределяет понимание употребленного в тексте метафорического образования, а семантики – ее культурно-историческую достоверность, соответствие метафоры реальному объекту или его образному представлению данным этноязыковым сознанием. Ср.: **Гигантским кратером** распахнулся гудящий, ошеломляющий, кишачий машинами котлован. За слоем **жирного чернозема**, за пластами **сверкающего снегом мела** и **песчаника** земля становилась бурой, словно была пропитана кровью. Вот, где таится несметная **железная сила!** [9, с. 162]. Адекватное представление образа, лежащего в основе возникновения данного метафорического образования, обеспечивается фоновым изображением на уровне когнитивной метафоры соответствующей этнокультурной ситуации. Собственно когнитивная метафора и обуславливает возникновение этнокультурной коннотации метафоры речевой как макрокомпонента её семантики. Основной смысл когнитивной метафоры лежит в основе интенционала метафоры речевой: *гигантский кратер* – гудящий, кипящий, бурлящий. А конкретным объектом действительности, представленным метафорическим образованием, прообразом идеи, лежащей в основе сравнения, является шахта, котлован, кишачий машинами. В семантической структуре исследуемой метафоры прототип («котлован») образует экстенционал, то есть тот объект этнокультуры, который закодирован значением знака непрямого номинации (*котлован*).

Таким образом, источниками этнокультурной коннотации метафорических образований выступают коммуникативно-прагматические ситуации, изображаемые автором в художественном произведении. Культурная информация метафорических образований исследуемых текстов произведений писателей Черноземья порождается широким спектром взаимодействия этноязыкового сознания с окружающей региональной действительностью. Его составляющими являются механизмы коммуникативно-прагматического и этнокультурного характера.

Метафорические образования в художественной прозе писателей представляют собой дериваты, образованные посредством лексико-семантического способа словообразования, поэтому при изучении когнитивно-семиологического своеобразия региональной метафоры целесообразно применять **мотивационный анализ**. Сущность мотивационного анализа заключается в выявлении признака, задающего область сходства субъектов метафоры, то есть мотивирующего признака метафоры. Мотивационный анализ начинаем с выделения ядерной (понятийной) части значения метафорического знака (основного субъекта) и его периферийной части (вспомогательного субъекта).

*Солнце пролилось над деревьями, потом **восковое пятно** растаяло в пруду* [12, с. 35]. Основной субъект метафорического наименования репрезентируется словом *солнце*, вспомогательный субъект – словосочетанием *восковое пятно*. Прямое

значение словосочетания *восковое пятно* можно выразить описательно: 'бледно-желтая, с размытыми, нечеткими краями округлая фигура'. Метафорическое значение базируется на признаках основного субъекта: *солнце* – 'звезда, небесное светило'. Когнитивно-семантическим своеобразием метафоры и ее конечным результатом является эксплицирование смысловых элементов из предметного значения вспомогательного субъекта: *восковое пятно* – 'бледно-желтая, с размытыми, нечеткими краями округлая фигура'. Построим метафорообразовательную модель, включающую следующие связанные **одним** деривационным шагом лексико-семантические варианты словосочетания: ***восковое пятно 'округлая фигура'*** (прямое значение) > ***восковое пятно 'солнце'*** (метафорическое значение). Опираясь на основной и вспомогательный субъекты, можно выделить мотивирующий признак – цвет, форма. Семантика данной метафоры является результатом приписывания обозначаемому (солнце) признаков, не входящих в его прямое значение: *нечеткость, размытость формы, бледно-желтый цвет*. Эти признаки актуализируются образующимся вокруг семантики основного субъекта (солнце) этнокультурного ассоциативно-смыслового поля. На первый взгляд, выделенные семантические компоненты являются универсальными для общерусского языкового сознания. Однако при детальном рассмотрении обнаруживается, что закат солнца в Центрально-Черноземном регионе отличается от заката на севере России. На Севере летом солнце очень быстро и порой незаметно достигает пределов горизонта, продолжая так же ярко освещать землю. Через один-два часа оно всходит. Поэтому летом на севере ночью светло, как днем. В Центрально-Черноземном регионе летом солнце садится медленно, теряя свою яркость постепенно. Возникает ощущение, что оно тает и расплывается в пруду, словно плавится восковое пятно. Эти ассоциативно-смысловые связи между сравниваемыми явлениями действительности проецируют в этнокультурном сознании признаки, которые не принадлежат основному субъекту метафоризации, не даны в нем наглядно. Восковое пятно – признак, не принадлежащий солнцу как явлению действительности. Следовательно, представителю анализируемого этнокультурного сообщества (жителю Центрально-Черноземного региона) его надо извлечь из своего сознания вместе с образом предмета, для которого этот признак является базовым (какое-либо пространство, на которое капает воск горящей свечи – стол, подсвечник, лист бумаги). Таким образом, сущность познания когнитивно-семиологического своеобразия метафоры заключается в восстановлении гносеологического образа предмета метафоризации через языковое значение метафоры.

На заключительном этапе мотивационного анализа данной метафоры необходимо проверить полученные результаты на их достоверность путем построения компаративной конструкции. Ср.: Солнце – *восковое пятно* и солнце по цвету и форме как *восковое пятно*. Как видим, компоненты построенной компаративной конструкции эксплицируют основной и вспомогательный субъекты метафоры, а также основу сравнения. Следовательно, мотивационный анализ проведен верно. Мотивационный анализ позволил увидеть связи между предметами, не являющимися однопорядковыми, но определенными ассоциативными, невидимыми нитями соединенными в этнокультурном языковом сознании писателя Черноземья.

На данном этапе анализа мы выделили мотивирующее значение метафоры, основной и вспомогательный субъекты. Однако нам не удалось выявить дифференциальные признаки, различающие значения анализируемых языковых единиц (солнце, восковое пятно), поэтому необходимо обратиться к компонентному анализу метафорического наименования.

Компонентный анализ применяется для сегментации ядерной части значения метафорического знака (основного субъекта метафоры). Компонентный анализ в нашем понимании представляет собой метод исследования значений слов, объединенных в одну лексическую микросистему по определенному интегральному смысло-

вому признаку, путем последовательного сопоставления значений единиц этой микросистемы по различным смысловым параметрам (форма, цвет, размер и т. д.) с целью выявить дифференциальные признаки, различающие значения данных единиц в пределах анализируемой микросистемы. Компонентный анализ позволяет углубить данные полученные в процессе мотивационного анализа, расширить наши представления о содержании скрытого понятийного слоя этнокультурного концепта **солнце**.

На примере метафоры **восковое пятно** рассмотрим возможности компонентного анализа. Процедура компонентного анализа в той модели, которая разработана и применяется нами, подразделяется на три этапа:

- 1) построение гипонимической группы;
- 2) выявление дифференциальных сем и параметра, по которому выделяются эти дифференциальные семы;
- 3) проверка результатов анализа.

Как известно, гипонимия – одно из основных парадигматических отношений в семантическом поле – иерархическая организация его элементов, основанная на родовидовых отношениях: семантически однородные единицы включаются в соответствующий класс наименований.

Гипонимическую группу строим следующим образом:

- 1) берём анализируемое метафорическое сочетание **восковое пятно**;
- 2) у словосочетания **восковое пятно** отсутствуют согипонимы, что весьма характерно для метафорических наименований;
- 3) дифференциальную сему выявляем путём сравнения значений видового и родового наименований соответствующей гипонимической пары. Родовое имя – **солнце**, видовое – **восковое пятно**.

Второй этап компонентного анализа состоит в выявлении дифференциальных сем и параметра, по которому выделяются эти дифференциальные семы.

В случае отсутствия у слова согипонимов, что весьма характерно именно для метафорических наименований, дифференциальная сема выявляется путем сравнения значений видового и родового наименований соответствующей гипонимической пары.

Третий этап компонентного анализа включает в себя проверку результатов анализа.

Один из приемов проверки заключается в следующем: если сумма выделенных в результате компонентного анализа сем равна метафорическому значению проанализированного слова, это свидетельствует о том, что анализ проведен верно.

Восковое пятно = *Солнце 'вечерняя звезда, излучающая тусклый желтый цвет, похожий на цвет воска' + 'медленно таящее, растекающееся в воде (в пруду) отражение' + 'интенсивность цвета, четкость/нечеткость формы'*

Таким образом, сумма выделенных в результате компонентного анализа сем равна метафорическому значению проанализированного словосочетания (**восковое пятно**), что свидетельствует о верном проведении анализа.

При анализе содержательной стороны метафоры в текстах произведений писателей Черноземья мотивационный и компонентный анализ дополняют друг друга, позволяя выявить этнокультурный слой содержательной стороны образного слова. Мотивационный и компонентный анализ позволили приблизиться к пониманию этноязыкового сознания писателя Черноземья.

Для когнитивно-семиологической характеристики своеобразия метафоры в прозе писателей Черноземья актуальным является процесс свободного ассоциативного развития художественного пространства исследуемых произведений [15, с. 188]. Так, книга писателя Черноземья С. Серых была названа «Разнотравье». Известно, что **разнотравье** – это «растущие вместе разные травы, травянистые растения». Однако в книге писателя речь не идет о различных видах трав. Ассоциативно-образное развитие пространства художественного повествования начинается с заглавия: используется

метафорическое, индивидуально-авторское значение лексемы *разнотравье*. С. Серых, обращаясь к читателю, пишет: «*Вы, конечно, сейчас удивляетесь и можете подумать, что я вам хочу предложить какой-нибудь трактат о травах и их применении. Не-ет, я еще не дорос до таких трудов <...> Рассказы по своему содержанию будут схожи с разнотравьем, которое произрастает в наших огородах, в оврагах и на буграх милой всем нам округи*» [5, с. 10]. Таким образом, с разнотравьем писатель сравнивает разнородные по характеру рассказы, составляющие его книгу.

Таким образом, исследование когнитивно-семиологических свойств метафоры в текстах произведений писателей Черноземья позволяет заключить следующее:

1. Когнитивно-семиологическое своеобразие метафоры в художественной прозе писателей Черноземья определяется полифункциональной сущностью этноязыкового сознания.

2. Когнитивно-семиологическая суть метафоры заключается в том, что она изначально имеет когнитивную природу, а не языковую. Метафора как когнитивно-семиологическое образование позволяет читателю воспринимать и понимать абстрактные когнитивные образования.

3. Возникновение индивидуально-авторской метафоры определяется ассоциативным соотношением объектов когнитивной метафоризации этнокультурному и предметно-чувственному восприятию писателями Черноземья окружающей действительности.

4. В художественной прозе писателей Черноземья когнитивная метафора рождается путём индивидуально-авторской интерпретации изображаемой в произведении этнокультурной действительности.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. «Живое» слово: проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Головков А. Э. Преодоление. – Воронеж: Центрально-Черноземное изд-во, 1987. – 222 с.
3. Славянская мифология. – М.: Просвещение, 1995. – 414 с.
4. Быдина И. В. Когнитивно-прагматический подход к структурированию поэтического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – Вып. 3. – Томск, 2005. – С. 43 – 48.
5. Серых С. И. Разнотравье. Рассказы. – Белгород: Крестьянское дело, 2009. – 232 с.
6. Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 236 – 284.
7. Сухарев В. В. Осень лист сорвёт непременно...: Новеллы. – Белгород: Везелица, 2004. – 116 с.
8. Уилрайт Ф. Метафора и реальность // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. С. 82 – 109.
9. Федоров В. Сумка, полная сердец. Повести. – Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1978. – 269 с.
10. Тарасов С. Л. Воскресение и смерть Коли Коржикова: рассказы, портреты. – Белгород: Изд-во «Константа», 2006. – 144 с.
11. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 387 – 416.
12. Калущий В. У. И мы там пили мед (Возвращение в былое). – Белгород: Крестьянское дело, 2003. – 136 с.
13. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М.: Изд-во «ЭЛПИС», 2008. – 271 с.
14. Барабашов В. М. Короеды // Молодая проза Черноземья. – Воронеж: Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1988. – С. 57 – 94.
15. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ин-та, 2006. – 520 с.

COGNITIVE-SEMIOLOGICAL ESSENCE OF THE METAPHOR (ON A MATERIAL OF ART PROSE OF WRITERS OF CHERNOZEM REGION)

I. A. Yaroshchuk

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
inna_lad@mail.ru*

This article explores the cognitive-semiological peculiarities of metaphors in prose of Chernozem writers. The cognitive-semiological originality of the metaphors is defined by multifunctional essence of language consciousness. The cognitive-semiological essence of metaphors means that it initially has cognitive nature, besides the language. The metaphor let readers perceive and understand abstract cognitive formations.

Key words: cognitive metaphor, language consciousness, ethnolanguage consciousness, associative-shaped space, ethnocultural connotation, pragmatism, linguo-creative thinking.